

ЗВЕЗДА МИГАЕТ, ЩУРИТСЯ...

* * *

Звезда мигает, щурится,
трепещет, как слеза.
Под ней знакомой улицы
струится полоса.
Звезда блестит в безоблачной,
бескрайней черноте;
лучи рисуют в воздухе
мне множество путей.
Висит в пространстве, гордая,
над городом одна,
и лучше с неба свалится,
чем всё-таки признается,
что в месяц позолоченный
безумно влюблена.

22 ИЮНЯ

Лето, утро.
Четыре часа:
вот растаяла ночь в небесах;
устремлён в них тревожный взгляд —
как тогда, много лет назад,
ещё юные, без седин
мои деды... Глядят с картин,
улыбаясь: «Удара не жди,
у тебя выпускной впереди!»
Пять часов:
я гляжу, и вот
чист под солнышком горизонт,
не взрывается в пыль земля —
это значит, что всё не зря.
Метроном:
в городах молчат.

Брошен в небо прощальный взгляд:
«Не тоскуй и удара не жди,
у тебя вся жизнь впереди!
Ну а мы с фотографий-картин
на тебя поглядим...»

ТРИ СЕСТРЫ

Три сестры, словно солнца круг —
круг из мягких и белых рук;
песни девушек — злат венец;
три сестры да один отец.
У одной глаза — синим озером,
у другой коса — вороным крылом,
третья будет мала, бела —
колоском золотым светла.

Колокольцы поют, звеня:
«Три сестры, что одна земля,
три сестры — велика река:
будь вражда от вас далека,
а заморский недобрый глаз
да вовек не разлучит вас;
да минует огонь-молва,
обойдёт сыновей война!»

Хоть давно мир людской не нов —
три сестрицы — едина кровь:
из древнейших напевных слов,
из живых полевых цветов
для народов своих покров
шьют-плетут,
чтобы люди любили друг друга
да не рвали круга...

МАМЕ

Гражданка, хозяйка, простая женщина
с обычным лицом и глазами серыми
сидит у окна, вышивает крестиком,
желает всем добрых снов.

Да, много таких и в Нью-Йорке,
и в Питере...

А может, они даже есть на Юпитере?

Да, боже мой, где я таких не видела
хранительниц очагов.

Но по Вселенной мне рыскать незачем:

на что сдались мне все эти женщины?

Не их голоса и глаза мне грезятся,
их руки не грели меня,
песни они не поют мне вечером,
не для меня вышивают крестиком —
а имя, что в сердце особенным светом,
твоё лишь, родная моя.

Чуткое сердце твоё всё ведаёт,
ты и сквозь беды — за мною следом,
мама, кто знает, быть может, поэтому
я не шагаю за край,
не обездоленная, не голодная,
не сплю, где попало, ночами холодными,
не шляюсь, судьбу не кляню тяжёлую,
ища свой потерянный рай.

И пусть, вышивая, я путаю нитки
и плохо умею жить,
ты, мама, всегда остаёшься хранителем
хрупкой моей души.

МЕТЕЛЬ

Ветер февральский — плеть.

Ветер глотает слово.

Страшно хочется петь —
что-нибудь, кроме стога.

Мне бы позвать кого,
вышутиться в жилетку!..

Снега веретено
белую спряло клетку.

Век бы вращала я
в мёрзлый узор печали,
только вот ждут меня
в белой хрустальной стае!

Кто-то зовёт домой
именем самым сладким;
вкус на губе сухой
слова «люблю». Лампадка,

где-то в стране надежд
дрогни на птичьей ноте!

В край меховых одежд
тихо весна приходит.

АНГЕЛ

По твоей душе горит свеча,
по единой шепчет пара крыл.
И сомкнулся рук незримых тыл
на твоих опущенных плечах.

Вслушиваясь в чаения дождя,
пальцами сжимая полутьму,
плачет тихо взрослое дитя —
шёпот неба слышится ему:
«Утешайся, сердце из песка,
в час рассветный утечёт тоска».

Горячи неслышные слова
в глубине надломленной души;
их тепло смиряет мятежи,
буйная светлеет голова...

«Ангелы не спят, пока ты есть,
днём и ночью ангел будет здесь».
И пока ты, сняв свою броню,
спишь и оживаешь налегке —
пёрышки небесного крыла
спят в твоей расслабленной руке.

Улыбается звездой незримый лик.
«Ты к Нему притронулся на миг».

ВЕЧЕРНЕЕ

Своим райским, цветущим ветром
омывай мою душу, май!

Непрестанно звучит ответом
нежный свист воскрешённых стай
под моим окном, распахнувшим,
развернувшим весь дом вовне.

Ночь весёлая добродушно
ляжет пледом на плечи мне.
Все изгонит печали, страхи
песнь тропическая впотьмах!
Пышногривых деревьев взмахи
кружевничат на фонарях.

У луны молодого круга —
взгляд черёмуховых цветов;
Поцелуй дорогого друга
и сиреневый запах снов...

